

ПЕСНЯ ДЛЯ ГАЛИ

МАРИНА НЕТЛЕРОВА
Родилась и выросла в Москве, но последние четыре года живет в Барселоне. Окончила филологический факультет МГУ. Переводчица и преподавательница испанского и каталанского языков.

Работала на радио и в культурных организациях. Много лет занимается волонтерской работой с бездомными людьми и жертвами гуманитарных кризисов. Училась в мастерской «Память, говори!» CWS.

Когда дедушка упал, стол из центра комнаты отправили в угол.

Там он и остался, вытянувшись вдоль окна и загородив собой почти все, кроме створки, затянутой москитной сеткой.

Через плотную сетку деревья походили на калейдоскопный узор.

Глядя на точки, Ирка вспоминает, как в детстве они с Машей прикладывали к глазам бабушкины разноцветные газовые шали, чтобы переключить цвет неба. Сама она больше всего любила серебристую – от нее мир вокруг казался посыпан волшебной пылью.

А если хорошенько подтянуться и выглянуть подальше, то получалось разглядеть большую-большую башню. МГУ.

Деревья со времен ее детства вымахали до девятого этажа. Раньше видно было детскую площадку во дворе и дома за лесом, но теперь тополя и березы заслонили весь обзор, а дом как будто опустился на речное дно, где колышутся длинные ветви.

Стол торцом упирается Ирке в живот.

Чей это торец – бабушкин или гостевой?

Места во главе стола по традиции доставались бабушке и кому-то из гостей. Бабушка сидела напротив телевизора, а гость – спиной к нему.

И слава богу, думала Ирка, так они спасутся от дурацких музыкальных шоу, беззвучно игравших на экране.

Когда стол переставили в угол, на нем мгновенно образовался склад ненужных предметов, которым раньше не находилось места. Например, туда перекочевала ваза с уродливыми искусственными розами. Дедушка повадился бросать в нее яблочные огрызки и развел мух. Мухи облепили потолок и мебель, их пытались вывести целый месяц, а бабушка очень ругалась.

Тогда еще никто не понимал, что *это* началось.

Когда дедушка поселился на диване, на столе начали расти стопки книг – первое время дедушка просто часами смотрел в страницы, а потом будто вдруг вспомнил, как читать, и каждую неделю кому-нибудь приходилось с тележкой ходить в библиотеку. Спустя какое-то время в библиотеку ходить перестали, потому что теперь он читал только с карандашом в руках.

– Что ты там отмечаешь, дедуль? – полюбопытствовала Ирка, впервые заметив, как он сосредоточенно расчерчивает всю страницу в сборнике детективов.

– У меня распоряжение, не мешай. – Он провел кривую линию и беспомощно замер, не понимая, как это исправить.

Стол простоял в центре комнаты больше двадцати лет: на нем даже пеленали маленькую Ирку.

Раньше стол всегда был наготове, и, когда его раскрывали, он обхватывал комнату, будто крыльями.

И все сходились на этих нескольких метрах: Казань, Петербург (все еще Ленинград в их системе координат), Одесса, Днепропетровск, Рыбинск, Гомель, Томск, Кемерово, Армавир... Каждый город пах и звучал не так, как другие. А еще у городов были запасные имена: Тетяроза, Тетясвета, Дядястас, Дядвлад. Много-много имен.

Когда Ирка еще помещалась под столом, она пряталась там во время застолий, утаскивая вниз Волшебника Пэка. Ей нравилось, что посередине у стола было особое отделение, как широкая ножка с полками, и на нижнюю можно было лечь животом или поставить их с Пэком тарелки. Сидя под столом и уворачиваясь от ног, она чувствовала себя в безопасности и любви, словно ее взрослую на несколько минут вернули в мамин живот и пока что от нее ничего не требуется – только быть. Под столом она вслушивалась в гул разговоров, отслеживала песни, чтобы потом, когда наконец подойдет ее очередь, исполнить «Песенку мамонтенка» к восторгу бабушки, пророчащей ей славу великой артистки, и глухой тети Зои, а потом они с дедушкой на два голоса пели «Тачанку».

Очень хотелось, чтобы Маша пришла и залезла к ней в кокон, и тогда Иркино искрящееся счастье станет совершенно полным. Как салют, на который они смотрят сквозь бабушкины шали.

Белой акации гроздья душистые и сиреневый туман, бабушкины многолетне любимые «Гусиные лапки», дедушкин порядок гостей по старшинству, Петины походы на перекур.

Кто-то рассказал анекдот. Кто-то предложил тост. Кто-то спросил рецепт. Кто-то что-то вспомнил. Кто-то возразил, что все было наоборот.

А потом в какой-то момент край скатерти вдруг поднимался, и сверху раздавался дедушкин или бабушкин голос, который велел прекратить разгильдяйство и вылезти сейчас же.

Теперь, подходя к окну, Ирка иногда поглаживала краешек столешницы, извиняясь перед старым столом за такую внезапную и окончательную отставку. Она никак не могла понять, каким образом за ним когда-то помещалось столько людей. И пришла к выводу, что столы, как старики, тоже сжимаются и усыхают.

На диване рядом с дедушкой стоит корзинка, куда он щипцами крошит леденцы.

– На, бери. – Он предлагает Ирке мятные, свои любимые.

– Спасибо, – отказывается Ирка, – я уже ела.

– У тебя тоже такое есть? – удивляется дедушка.

– Да, есть. – И быстро добавляет: – Мне мама дала.

– Ну а ты мои попробуй! – настаивает дедушка, начиная сердиться.

Ирка решает, что конфету лучше взять. Подставляет ладонь, и на нее падают два хрустящих мятных квадрата.

Когда-то он прятал от нее «Мечту» на верхней полке серванта, а она шарилась по бабушкиной коллекции гжели, надеясь найти там затерявшуюся розовую конфетку. Лишь пару лет назад Ирка начала подозревать, что конфеты никогда не терялись. Но спрашивать уже было поздно.

– Скажи мне... – Дедушка смотрит куда-то сквозь нее с напряженным ожиданием. – Кто в той комнате? Там спят?

– Никого нет, дедуль, – уверяет Ирка, выдерживая его взгляд, – никого.

Он молча всматривается в нее – или в сервант за ее спиной, словно силясь вспомнить.

– Слушай, давай мы тебе свет включим, а то ведь ничего не видно? – Ирка рвется к выключателю.

– Но там кто-то же должен быть, – не унимается дедушка, глядя в сторону спальни.

Она смотрит ему в спину. На опавшие плечи, с которых свисают девяносто пять лет жизни. Девяносто пять лет службы.

Ирка включает свет.

Он всегда ходил с совершенно прямой спиной – военная выправка. «Твоего Геру видно издалека, он один такой», – говорили бабушке знакомые. Он действительно был такой один. И когда шел, казалось, что двигался по специально для него выделенной полосе.

У него есть ордена особой важности, но никто не знает, за что они, потому что он ничего не рассказывал о работе.

Кажется, он получил этот орден за предотвращение войны, говорят его дети. Название войны они боятся произносить вслух.

Он должен был стать генералом, но отказался. Вместо этого он вышел в отставку, но никто не знает почему; он ничего не рассказывал о работе.

Сейчас ему девяносто пять, и он ждет распоряжения от главнокомандующего. Подожди, отвечает ему дочь, твоя служба в этой части еще не закончена.

- Он жив, хоть и не согласен с таким решением.
- А кто там должен быть? – Ирка начинает игру.
 - Ну это же... – Дедушка задумывается. – Нужно, чтобы кто-то был.
 - Завтра будут! Завтра дядя Женя придет, – убеждает его она.

Ирка не видит, на что смотрит бабушка, но сама смотрит на иконостас из семейных фотографий прямо напротив.

Она там.

Там, в пятидесятых, они вместе.

Он в форме, смотрит куда-то в сторону, сдвинув брови и сжав губы. То ли старательно позирует, то ли тяготеет этими гражданскими глупостями. Она смотрит в камеру прямо, но взгляд ее прочесть невозможно.

Ведь ей тут всего двадцать три, то есть меньше, чем мне сейчас, думает Ирка.

- Папа мне говорил: не иди за него, он ненормальный! А если что случится – приезжай к нам. Одна не останешься. Но не терпи! – Бабушка энергично разминает тесто, а Ирка смотрит на ее пальцы.

Они даже в восемьдесят сильные, с гладкой светлой кожей. Только кольца она сняла – обручальный ободок и золотое с рубином, право наследовать которое они с Машкой оспаривали все детство. Бабушка по-прежнему любит платья, модные во время ее молодости, и не выходит на прогулку без шлейфа духов. И без белой шляпки.

- А почему он бабушку считал ненормальным? – спрашивает Ирка, чихая в облаке муки.

Когда человек, которого она любила всю оставшуюся жизнь, предал ее, она уехала в Ленинград. В Ленинграде она встретила молодого офицера, и тот позвал ее с собой.

Они и успели-то сходить на пару свиданий, но уже на самом первом она услышала голос. Голос в голове возмущался: «Вот, любуйся, это твой будущий муж».

Она отчаянно отвечала голосу: «Но я не хочу за него замуж! Не за этого!»

И вышла замуж за этого. А тот, которого потом еще долго – всю жизнь? – любила, много лет подряд будет звать на прогулки ее младшую сестру и твердить: «У тебя такой же голос».

Человек, которого она очень любила, умер от алкоголизма молодым и бездетным.

С офицером, за которого она вышла, они объехали множество городов и стали родителями.

Когда муж пел ей песни, она говорила: «Ой, отстань, дай сериал посмотреть».

Когда муж пел ей песни, она говорила: «Ну ладно... Давай уже, пой».

Когда муж пел ей песни, она говорила: «Все же он хороший мужик, добрый».

Она никогда не боялась идти вперед и начинать все с нуля. Она входила в пустоту и вешала там свои любимые занавески.

- Дедуль, – окликает его Ирка, – завтра к нам приедут, не волнуйся.

– Приедут? – Он оборачивается.

Ирка прокручивает в голове варианты ответов.

Он смотрит долго, словно пытается что-то вспомнить.

- Да. – Она играет на опережение. – Был наказ дожидаться завтра. Завтра придет дядя Женя и сообщит нам дальнейшие инструкции. Договорились?

– Ты знаешь, сколько мне лет? – вдруг говорит бабушка.

– Знаю! Девяносто пять.

– Нет! Сто!

– Еще не сто, а только девяносто, ты у нас парень молодой.

– Молодой, думаешь? Что, еще жениться могу? – Глаза у него блестят.

Когда-то, когда он еще себя помнил, временами в него попадало что-то невидимое и жгучее. Тогда он темнел и раскалялся до скандала. Зеркало в коридоре треснуло, когда он хлопнул дверью, уходя из дома.

Ирка думала, что в доме можно найти много таких трещин.

После каждого скандала он просил прощения. Иногда – просил прощения и плакал. Иногда он плакал от фильмов и от песен. Когда он плакал, его можно было обнять.

Ирка вздрагивает.

- Да, – говорит она, – можешь. Потом поищем тебе жену.

– А вон там не моя жена? – Бабушка поворачивает голову к двери и слушает. В кухне течет вода. – Там кто?

– Там, – отвечает Ирка, забирая у него конфетные фантики, – твоя дочка Катя. А я – твоя внучка. Младшая. А еще у тебя есть старшая внучка Маша. И сын Женя, он завтра придет. Помнишь?

– Помню, конечно, – кивает бабушка с довольным видом. – А вот...

– Дедуль, – говорит она торопливо, – мне нужно на кухню сходить. Я потом вернусь, хорошо?

– Хорошо. – Он сразу теряет к ней всякий интерес и запускает руку в корзину с конфетами.

У входа в кухню Ирка вслушивается: кажется, дедушка включил телевизор. На всякий случай, чтоб уж точно, она прикрывает дверь.

В это время кухня всегда залита солнцем. Оно отражается от белой стены дома напротив, и в его золотистую сеть падают горшки с цветами, и ваза с фруктами, и занавески, и даже холодильник. По телевизору начинается бабушкин любимый детективный сериал. Под взмокшим полотенцем остывают пироги. Бабушка пекла сразу по несколько, чтобы никому не отмазаться: с капустой, с яблоками и еще беяши. Беяши были очень жирные, и чахлые гастритники – то есть все, кроме самой бабушки, – не могли их есть. Только жадно обрывали жареные корочки.

– Слушай, мам. – Ирка ждет, когда мать закроет кран и наконец обратит на нее внимание. – Мне кажется, надо ему все рассказать.

– Мы уже говорили, – вздыхает мать, – с Ириной Сергеевной. Она сказала «даже не думайте». Говорит, надо оставить его в покое. Дать уйти спокойно. Вдруг у него еще случится инфаркт? Мы себе этого не простим.

– А если он сам вспомнит?

– Пока не вспомнил.

– А что вы ему собираетесь говорить, если да?

– Ну, про пансионат, про врача, про гостей. Про Рыбинск. Он потом все равно все забывает.

Ирка замолкает и ждет: а вдруг дедушка, как дикий зверь, в один момент может бесшумно преодолеть расстояние от комнаты до кухни и ворваться к ним – под два метра, сильный, с бешеным потемневшим лицом.

– А если вспомнит? – продолжает она. – Он сейчас опять спрашивал про комнату, чувствует, что кого-то не хватает. Это тяжело.

– Ира, – сердито отвечает мама, – у меня сейчас давление поднимется. Давай, пожалуйста, оставим эту тему. Ему не будет лучше. Теперь уже только хуже.

– Нам хватит маленького стола, – сказала бабушка, – к нам же никто сегодня не собирается, кроме Жени. Возьмите столик с кухни. А дед все равно долго не высидит, завалится к себе на диван. Так место большого стола занял маленький. На светлом ковре остались отпечатки ножек.

– И когда ты собираешься приехать? На похороны наши? Все обещаешь да обещаешь. Деду уже девяносто лет, того и гляди помрем. Я не кричу, а говорю, – кричит бабушка в трубку.

– Мам, ну успокойся, – устало говорит дядя Женя, – она взрослый человек.

Ирка думает, что и она тоже взрослый человек.

Детство заканчивается не в один момент, но если бы ее спросили, может ли она вспомнить хоть какой-нибудь, она бы вспомнила мартовские лужи и солнце, как она прыгала у подъезда, а бабушка сидела на лавочке с букетом мимозы. Они ждали Машу из школы. Школа закончилась, впереди был целый длинный вечер. Это был Машин день – но она не пришла. Ирка придумала игру, которую хотела скорее показать сестре.

Наконец бабушка поднялась с лавочки и сказала, что пора домой.

Солнце все еще светило. Ирка не хотела домой, потому что тогда они не увидят Машу в конце аллеи, тогда она точно никогда уже не придет. И что же делать с игрой?

Бабушка начинала сердиться. И на Ирку, и на Машу, и на букет мимозы, с которым неудобно держать дверь.

В лифте она сказала, что Маша уже взрослая и ей больше не нужны бабушка с дедушкой.

«И я не нужна, – вдруг поняла Ирка, – и я».

Бабушка всегда была права.

И если кого-то сама обижала, обиженным приходилось просить у нее прощения.

Она выслушивала претензии и отвечала: «Дайте просто сделаем так, как я хочу».

Ирка сохранила в старом телефоне одну-единственную эсэмэску – «Ира прости нас бабушка».

Ирка уже не помнила, за что бабушка извинялась, но каждый раз, перечитывая, извинялась сама.

За стеной над ухом Ирка слышит бормотание. Кто-то разговаривает.

Она вылезает из кровати и идет в большую комнату, надеясь не разбудить маму. Задержав дыхание, медленно-медленно открывает дверь. Та ужасно скрипит, и приходится вести ее, придерживая с двух сторон.

Дедушка сидит, свесив голову на грудь, с пенником на коленях, и сонно что-то напевает.

Она не узнает эту мелодию.

Когда она пытается забрать у него книгу, он просыпается и сердито смотрит на нее.

– Дали задание, – извиняется Ирка, – ложиться спать. Дежурство продолжим через восемь часов. Тебя разбудят и предупредят.

Дед что-то бормочет, но решается уступить ей песенник.

Выжидательно смотрит.

- Мы никого не ждем? – удивляется он.
 - Нет, все уже легли. Остальные придут завтра.
 - Понял. Ну, что дальше? – спрашивает он.
- Белые-белые растрепанные на макушке волосы.
- Нужно раздеться и лечь. – Ирка указывает на стул: – Вот сюда сложить одежду. Вот твоя пижама.

Дождавшись, когда он послушно начнет расстегивать рубашку, она отходит к двери и прячется за шкафом. В отражении в серванте она следит, когда он переоденется и ляжет.

Он складывает одежду на стуле безупречно, словно по линейке.

Уже лежа, он продолжает напевать. Ирка совсем не помнит эту мелодию.

Черт, думает она, надо было посмотреть, что он искал в песеннике.

Раньше он все время пел бабушке: «Галь, послушай! Песня для тебя. Растет-растет возле дома калина, растет, цветет на мою на беду, живет-живет в этом доме Галина, да я никак все туда не дойду».

Когда бабушка умерла, стало понятно, что рецепт жирных беляшей никто не записал. Она ушла, забрав с собой целый мир звуков, имен, запахов и историй, которые раньше никого не интересовали.

Она ушла быстро. Как всегда хотела уйти.

Она всегда умела все сделать по-своему.

Ирка долго-долго стоит у дверей босиком и наконец решается проверить.

Выглянув из-за шкафа, она видит, как дедушкин живот мерно поднимается под одеялом. Он спит, продолжая мурлыкать себе под нос.

Тогда она выключает свет.

